
ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2025.01.08

ИВИНСКИЙ Д.П.¹ О РУСИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВИЧА МАХОВА[©]. – Рец. на кн.: МАХОВ А.Е. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ : В 3 т. Т. 1. О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ / составление, общая редакция, предисловие О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2023. – 720 с.

Аннотация. В первый том избранных сочинений А.Е. Махова вошли его труды по русистике, посвященные преимущественно творчеству А.С. Пушкина и литературе его времени, обсуждающейся на широком фоне европейской литературной истории. Особое место в книге занимает впервые опубликованный текст кандидатской диссертации Махова, посвященный Н.И. Надеждину и его журналу «Телескоп», который рассматривается как в связи с литературной позицией издателя, так и в контексте литературной борьбы пушкинской эпохи.

Ключевые слова: русистика; Махов; Надеждин; Жуковский; Пушкин; Карамзин; В.Ф. Одоевский.

Для цитирования: Ивинский Д.П. О русистике Александра Евгеньевича Махова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 1. – С. 110–118. – Рец. на кн.: Махов А.Е. Избранные сочинения : в 3 т. Т. 1. О русской литературе / составление, общая редакция, предисловие О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2023. – 720 с. – DOI: 10.31249/lit/2025.01.08

Получена: 21.07.2024

Принята к печати: 30.11.2024

¹ **Ивинский Дмитрий Павлович** – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dmitrij_ivinskij@mail.ru

© Ивинский Д.П., 2025

IVINSKIY D.P.¹ On Alexander Makhov's Russian studies[©]. Book review: Alexander Makhov. Selected works: in 3 vol. – Vol. 1: On Russian literature

Abstract. The first volume of selected works by A.E. Makhov includes his papers in Russian studies, mainly on A.S. Pushkin's oevres and the literature of his time, discussed against the broad background of European literary history. A special place in the book is occupied by the first published text of Makhov's PhD thesis, dedicated to N.I. Nadezhdin and his magazine *Telescope*, which is considered both in connection with the literary position of the publisher and in the context of the literary struggle of the Pushkin era.

Keywords: Russian studies; Makhov; Nadezhdin; Zhukovsky; Pushkin; Karamzin; V.F. Odoevsky.

To cite this article: Ivinskiy, Dmitriy P. "On Alexander Makhov's Russian studies. Book review: Alexander Makhov. Selected works: in 3 vol. – Vol. 1: On Russian literature", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2025, pp. 110–118. DOI: 10.31249/lit/2025.01.08 (In Russian)

Recieved: 21.07.2024

Accepted: 30.11.2024

Первый том избранных сочинений А.Е. Махова (1959–2021), составленный из его трудов по русистике, представляется значимым событием, обойти которое молчанием было бы во многих отношениях неправильно. Перед нами не только «свидетельство эпохи», образы которой уже переходят в область преданий и даже биографических, идеологических и иных реконструкций разного типа и уровня достоверности, но и своего рода научная биография одного из ее выдающихся действующих лиц, чьи научные интересы были отмечены едва ли не уникальной широтой. А.Е. Махов занимался Пушкиным и литературой его времени, романтизмом в литературе и музыке, европейским Средневековьем и барокко (как в поэзии, так и в живописи и графике), теологией в ее связях с риторикой и эмблематикой. Одновременно его внимание привлекали те аспекты истории герменевтики, которые связывали ее с экзегетикой; А.Е. Махову принадлежит лучшая (по крайней мере на рус-

¹ **Ivinskiy Dmitriy Pavlovich** – DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dmitrij_ivinskiy@mail.ru

© Ivinskiy D.P., 2025

ском языке) работа о позднеантичных и средневековых истоках представлений о «многозначности текста» [Махов, 2008].

Том построен в соответствии с хронологией событий жизни и научных занятий, он открывается публикацией вступительного сочинения в МГУ, продолжается текстами дипломной работы и кандидатской диссертации, после чего следует подборка позднейших статей, писавшихся как для энциклопедий (в том числе для известного биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917»), так и для разного рода научных сборников, а также очерков, помещенных в книге «Двенадцать зеркал Пушкина». Интервью, посвященное этой книге, и еще две статьи в каком-то смысле завершают заявленную в других разделах тома пушкинскую тему. В конце тома дан дополнительный и уточненный по сравнению с более ранним [«В ответ на лучшие дары» ... , 2022, с. 545–585] список публикаций А.Е. Махова, подготовленный, как и весь том, О.Л. Довгий.

Здесь мы намерены более подробно обсудить только один текст, впервые опубликованный в этом томе, – кандидатскую диссертацию «Журнал “Телескоп” и русская литература 1830-х годов», защищенную А.Е. Маховым на филологическом факультете МГУ сорок лет назад, в далеком 1985 г. Журнал Н.И. Надеждина, выходявший в 1831–1836 гг. и закрытый после публикации первого «философического письма» П.Я. Чаадаева, разумеется, неоднократно обсуждался и ранее, и, конечно, не только в связи с этим «письмом», но и в связи с Пушкиным и писателями его круга, в целом скептически оценивавшими и возможности Надеждина, и его журнал, и в связи с Белинским, имевшим отношение к подготовке нескольких номеров, и в связи с проблемой «романтизм – реализм», которую и в середине 1980-х трудно было отнести к разряду модных и «перспективных» в каком бы то ни было отношении. Однако постановка вопроса оказалась неожиданной:

Журнал Н.И. Надеждина «Телескоп» (1831–1836) в <...> литературной жизни России 1830-х годов <...> представляется своего рода перекрестком, на котором в разные моменты сходились пути едва ли не всех крупных литераторов того времени. «Телескоп» враждовал с так называемой «литературной аристократией», с писателями пушкинского круга, но в нем все же печатались Пушкин, В.А. Жуковский, Н.М. Языков; журнал иронически отзывался о старомодных «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», однако в приложении к «Телескопу», газете «Молва», – печатался редактор «Литературных прибавлений» А.Ф. Воейков; «Телескоп» вел горячую

полемику с «Московским наблюдателем», но сотрудники «Наблюдателя», В.П. Андросов, Н.Ф. Павлов, С.П. Шевырев, в свое время тоже печатались в «Телескопе». Непримиримая война шла между «Телескопом» и «Московским телеграфом», что не помешало Н.А. Полевому поместить после закрытия «Телеграфа» свою статью в «Телескопе» <...>; журнал Надеждина почти неизменно сурово отзывался о произведениях А.Ф. Вельтмана <...> но и он печатался в «Телескопе» [Махов, 2023, т. 1, с. 151–152].

Эта парадоксальная ситуация требовала изучения, а изучение периодического издания должно было осуществляться сразу на нескольких уровнях. Первый – поиск и осмысление не печатавшихся ранее источников (таковых обнаружилось немногим менее восьмидесяти, см. их перечень: [Махов, 2023, т. 1, с. 271–275]¹; второй – предыстория и «издательская история» (данному материалу посвящена первая глава [Махов, 2023, т. 1, с. 158–184]; здесь, в частности, подробно разъясняется, почему редактором «Телескопа» стал именно Надеждин, а не М.П. Погодин или кто-нибудь еще из соответствующего круга); третий – литературная («литературно-критическая») позиция «Телескопа», отмеченная относительным единством на протяжении всей истории его существования (это рассмотрено во второй главе [Махов, 2023, т. 1, с. 185–235]; один из важнейших «сюжетов» здесь – сложная соотнесенность воззрений Надеждина и Белинского на романтизм, в которой обнаруживаются и некоторое общее смысловое пространство, и существенные различия, не помешавшие их «взаимопониманию»); четвертый – отбор и публикация в журнале произведений изящной словесности, см. третью главу исследования: [Махов, 2023, т. 1, с. 236–263]. В связи с данной темой обсуждается странное противоречие:

Сопоставление художественной литературы, опубликованной на страницах «Телескопа», с его же литературно-критическими декларациями неизбежно приводит к констатации парадокса: эта художественная литература в основном совершенно не соответствует критериям, выдвигаемым критикой

¹ Разумеется, принесло свои результаты и сплошное обследование «Телескопа»; напомним только о том, что А.Е. Махов обнаружил неизвестную ранее редакцию «Леноры» В.А. Жуковского, отличающуюся от общеизвестной не словесно, а пунктуационно: «...общее число восклицательных знаков в тексте “Телескопа” почти в три раза превышает их количество в тексте “Баллад и повестей”» [Махов, 2023, т. 1, с. 257].

журнала. Особенно очевидно это противоречие проявляется в отношении западноевропейской литературы: ведь журнал был, в сущности, активным популяризатором той самой «неистойвой словесности», с которой он на протяжении всех лет своего существования так ревностно боролся. Имена Ж. Жанена, О. Бальзака, Э. Дешана, Э. Сю, П. Лакруа не исчезают с его страниц.

Надеждин прекрасно отдавал себе отчет в этом противоречии и порой даже сознательно его подчеркивал. Так, в 21 части журнала за 1834 год напечатан отрывок из романа Жакоба Библиофила (псевдоним Пьера Лакруа) «Макаброва пляска», выдержанный в духе той самой «поэтики ужасов», которая так неуклонно осуждалась «Телескопом». В той же части, в статье «Здравый смысл и барон Брамбеус», сделан явный намек на эту публикацию: «Любимая форма французских писателей состоит в неестественной изысканности положений... в макабровой пляске всех помыслов, всех чувств...» <...>. Тот же образ скоро вновь всплывает в «Телескопе», на этот раз в статье «Письмо в Киев»: «Поэзия Байронов и Соутеев, Гюго и Зандт» именуется Надеждиным «макабровой пляской мертвых костей на кладбище жизни» <...>.

Выходит, что Надеждин вполне сознательно и даже подчеркнуто подвергает критическому разгрому материал, публикуемый им же на страницах собственного журнала! Однако сам Надеждин делает попытку разъяснить читателю это противоречие. В статье «Здравый смысл и барон Брамбеус» он пишет: «...судьбы Франции представляют самую глубокую, самую поучительную главу современной истории: и литература есть красноречивейшее их выражение! И в этом отношении повторяем снова – изучение произведений ее может быть для нас весьма полезно и наставительно!» <...> [Махов, 2023, т. 1, с. 236].

Двусмысленность надеждинского журнала рассматривается как основа редакторского замысла, а последний опирается на поэтику романтического парадоксализма, когда одно и то же высказывание оказывается чревато как иронией, так и «серьезом», устремленностью в запределье и бытовой связанностью. Неслучайно внимание А.Е. Махова привлекает ситуация, когда в «Телескопе» печатается и произведение, и пародия на него; более того, сама «грань между пародией и непародией» оказывается «крайне расплывчатой» [Махов, 2023, т. 1, с. 261], и пародия оказывается способна «перейти в мистификацию» [Махов, 2023, т. 1, с. 262]. Соответствующим образом, литературная и, в данном контексте, редакторская позиция Надеждина отмечена специфической двойственностью или многоплановостью мироотношения, характерной для значительной части произведений русского и европейского романтизма, за границы которого Надеждин, согласно концепции

А.Е. Махова, пытался выйти, но при этом оставался его приверженцем, не только не порывая с ним, но и оставаясь его адептом, как, по всей видимости, и Белинский, сотрудничающий с Надеждиным. Эта сложная конструкция выходит за рамки надеждиной темы: в сущности, любой сильный поэт испытывает на прочность границы «измов», даже если непосредственно и глубоко связан с каким-нибудь из них. Но в первую очередь это относится именно к «эпохе романтизма», ценившей не «партийность», а индивидуальность.

Эта индивидуальность отнюдь не всегда готова открыть себя досужему стороннему взгляду. Вот, например, как А.Е. Махов пишет о сложном пушкинском восприятии Карамзина:

Смерть Карамзина – конец спора между Историей и Поэзией за пространство в русской культуре. Многозначительна, и отнюдь не просто панегирична, пушкинская фраза по поводу его кончины: «Карамзин принадлежит истории» (Вяземскому, 10 июля 1826). Этой фразой Пушкин, в сущности, прячет Карамзина в Историю, дарит его Истории; да и сама его формула: «Карамзин – последний летописец», при всей своей внешней панегиричности, на самом деле проделывает хитрый трюк в том же духе: лишает Карамзина исключительной позиции Демиурга, Творца Истории и превращает его в ее участника, в ее предмет: «Напиши нам его [Карамзина] жизнь, это будет 13-й том “Русской истории”...» (Вяземскому, 10 июля 1826) [Махов, 2023, т. 1, с. 542].

Здесь зафиксированы оттенки смыслов, которые не поглощают или только частично поглощают друг друга: «принадлежит истории» можно понять и как *историю*, а не *поэзии*, и как *умер и сделался достоянием истории*, и как *он сам история* – неслучайно же жизнеописание Карамзина, которое мог бы написать Вяземский, Пушкин готов рассматривать в одном ряду с вышедшими томами «Истории Государства Российского».

Приведем здесь и нечто более сложное – о том, как именно кн. В.Ф. Одоевский взаимодействовал с пушкинскими текстами после его смерти:

После смерти Пушкина Одоевский, неустанный литературный экспериментатор, ставит странные опыты над пушкинскими темами: например, в дилогии «Саламандра» соединяет отзвуки «Арапа Петра Великого», «Пиковой дамы» и «Медного всадника», когда рисует картины петербургского наводнения, изображает Якко – финна, который был послан Петром на учебу в

Европу, но в конце концов, в погоне за золотом, стал алхимиком. Чисто музыкальный подход – попытка найти новые звучания, соединив разрозненные пушкинские ноты, – и ведь все ноты демонические: арап, «черный диавол», бесовской разгул невских волн, и что уж говорить о Германне? Музыка и демонизм «таинственного» – словно бы распалась их связь со смертью Пушкина, и Одоевский вновь и вновь пытается эту связь восстановить [Махов, 2023, т. 1, с. 510].

Перед нами текст, в котором отразилось понимание сложно-го единства интересов Одоевского – литератора, музыканта и знатока истории музыки, не только европейской, но и русской, и, конечно, мистика, для которого картина или картины мира, созданные Бёме, Сведенборгом, Пордеджем, Сен-Мартеном, до конца дней оставались актуальным и ближайшим подтекстом собственного мировоззрения. «Демонизм таинственного» до некоторой степени обсуждается и в другой работе:

Дьявол, в соответствии со Священным Писанием, – «князь, господствующий в воздухе» (Ефес, 2:2); однако пребывание демонов в воздухе, вопреки интуитивному представлению о воздухе как о стихии свободы, понимается богословами как заключенность в темницу столь же тягостную для бывших ангелов, сколь для человека тягостен подземный карцер. По сравнению с теми высшими эфирными сферами, где обитают праведные ангелы, темный и густой «нижний воздух», куда, согласно многим теологам, были свергнуты мятежные ангелы, по праву может считаться темницей. «Они обитают в этом воздухе, – объясняет Иоганн Вейер, демонолог XVI в., – поскольку, будучи сброшены с более высокого неба, они заслуженно, в наказание за их непростительное преступление, осуждены пребывать в этом [воздухе] как в подобающей им тюрьме (*sibi congruo velut carcere*)» <...>.

Стихотворение «Бесы» вполне соответствует этому богословскому представлению: образ полной разомкнутости («беспредельная вышина») сочетается здесь с мотивом неволи («куда их гонят?»); пушкинские бесы, в точном соответствии с определением Вейера, «пребывают в воздухе», но – «как узники». Земля оказывается для демонов тем же, чем ад – для грешников; не случайно возникают у Пушкина текстуальные переключки с дантовским адом: «Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре... Сколько их! Куда их гонят?..» <...> – «А бес Харон сзывает стаю грешных... / ...И гонит их, и бьет веслом неспешных. / Как листья сыплются в осенней мгле... / Так сев Адама, на беду рожденный, / Кидался вниз...» <...> [Махов, 2023, т. 1, с. 440].

Так пушкинские «Бесы» оказались соотнесены и с новозаветным, и с дантовским контекстами; в цитате из Данте фигурируют персонажи, имена которых отсылают к древним мифам и к Ветхому Завету. В эту и без того сложную конструкцию, в пределе апеллирующую ко всей истории европейской религиозно-мистической традиции, помещается цитата из «демонолога» XVI века, как будто бы заведомо не имеющего никакого отношения к Пушкину. Никаких пояснений не дается и, судя по всему, читателю предложено самому понять, к чему тут этот «демонолог». Сделать это нетрудно, нужно лишь вспомнить основные факты или заглянуть в любую энциклопедию: Иоганн Вейер (или Вир, Johannes Weyer, Weier и Wier, 1515–1588), медик и оккультист, автор знаменитой книги «О проделках демонов, заклинаниях и колдовстве, шесть книг» [Wier, 1563], которую Фрейд считал «одной из десяти наиболее важных книг всех времен» [Королев, Майер, Шамин, 2009, с. 112], был учеником Агриппы Неттесгеймского (Agrippa von Nettesheim, 1486–1535), врача, астролога, оккультиста и алхимика, обвинявшегося в еретичестве, автора книги «О тайной философии» («De Occulta Philosophia», первое полное издание: [Agrippa, 1533]). Сочинения Агриппы повлияли на формирование замысла гётевского «Фауста», а имя Вейера неотделимо от истории так называемого «народного Фауста» [Жирмунский, 1972, с. 58–60, 63, 68–69, 74 и др.]. Дело не только в том, что упоминание о Вейере влечет за собой темы Фауста и Гёте, но и в том, что европейская мистическая в том или ином смысле литература, в частности литература «темного романтизма», учитывала эти контексты; например, Мэтьюрин в хорошо известном Пушкину романе «Мельмот Скиталец» упомянул об особой популярности Вейера, а много позже учитель и ученик (вместе с Фаустом) оказались в числе действующих лиц повести В.Я. Брюсова «Огненный Ангел» (1908) и, конечно, давно фигурируют в разного рода комментариях к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». С учетом того, что пушкинские «Бесы» давно соотнесены с литературой Серебряного века [Благой, 1931, с. 19, 49, 121, 125, 203, 206, 209–210], общая картина, весьма далекая от прямолинейных «поисков влияний», но от того, разумеется, не менее значимая, приобретает особую выразительность.

Такого рода недосказанностей – подразумеваний, рассчитанных на тех, кто хочет их понимать, в книге немало, и их роль существенная: они не просто увеличивают смысловую емкость

текста, но и задают уровень разговора, в который предлагается включиться читателю.

Список литературы

1. *Благой Д.Д.* Социология творчества Пушкина. Этюды. – Москва : Кооперативное издательство «Мир», 1931. – 320 с.
2. *Жирмунский В.М.* Очерки по истории классической немецкой литературы. – Ленинград : Художественная литература, Ленинградское отделение, 1972. – 495 с.
3. *Королев А.А. Майер И., Шамин С.М.* Сочинение о демонах из архива Посольского Приказа. К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. – 2009. – № 4. – С. 108–121.
4. *Махов А.Е.* Изобретение многозначности : средневековая теория смыслов как этап в истории поэтики // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 23. – С. 3–31.
5. «В ответ на лучшие дары» : венок к 63-му дню рождения А.Е. Махова / сост., авт. предисловия Алина Львова ; общ. ред. О.Л. Довгий, А. Львова. – Тула : Аквариус, 2022. – 596 с.
6. *Махов А.Е.* Избранные сочинения : в 3 т. Т. 1. О русской литературе / составление, общая редакция, предисловие О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2023. – 720 с.
7. [*Agrippa von Nettesheim H.C.*] Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheim à consilijs & archiuis inditiarii sacrae Caesareae maiestatis De occulta philosophia libri tres. – [Coloniae : s.n., 1533]. – [12], cclxii, [2] p.
8. [*Wier J.*] De praestigijs daemonum, et incantationibus ac veneficijs, libri V, recogniti, authore Ioanne Wiero medico. Totius operis argumentum in praefatione comperies. – Basileae [Basel] : Per Ioannem Oporinum, 1563. – 479 p.